

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(485):94(470)(093)

КАК ИЗУЧАЮТ РОССИЮ В ШВЕЦИИ: ЧЕТЫРЕ ВЗГЛЯДА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

И. А. Коткина

Центр исследований Восточной Европы и Балтийского региона, Высшая школа Южного Стокгольма (Södertörn University), Alfred Nobels allé 7 Flemingsberg, Huddinge
lk341@ya.ru

Предложено четыре интервью с академическими работниками Упсальского центра по изучению России и Евразии. Они позволяют составить представление о становлении славистики в Швеции, о специфике организации и устройства Упсальского центра, о преподавании русского языка в современной Швеции и изучению России в научной среде шведских университетов.

Ключевые слова: славистика, образование в Швеции, Упсальский центр изучения России и Евразии, шведская научная среда.

Центр изучения России и Евразии в Упсальском университете – это уникальный научно-исследовательский институт, открывшийся в январе 2010 г., когда многие центры изучения России в Европе и США закрывались. Об интересе к России, об истории славистики в Швеции и о том, как организованы российские исследования и подготовка специалистов сегодня, рассказывают директор Упсальского центра, а также научные сотрудники, в том числе выходцы из России.

Клас Левинсон (Claes Levinsson), директор центра

В США, Великобритании и Западной Германии серьезным исследованиям России был дан старт в начале 1950-х гг., что явилось ответом на растущую политическую напряженность, на холодную войну. Славистика, под которой понимается в первую очередь изучение русского языка и литературы, и другие гуманитарные исследования Советского Союза, в 1950-х не были разделены на отдельные дисциплины. А ученые-советологи более всего были озадачены российской политической ситуацией. Кроме того, СССР и Восточная Европа рассматривались в политическом смысле как единое целое. Ситуация в Восточной Германии считалась идентичной положению дел в России, Румынии и др. Исследования тех лет были в некотором смысле морализаторскими – речь в них шла о свободе, о политическом заключении в СССР, о борьбе между демократией и альтернативной системой, широко цитировали книгу Ханны Арендт о тоталитаризме.

В конце 1950–1960-х ситуация постепенно стала меняться, когда страны Восточной Европы стали вырабатывать собственную версию развития коммунистической системы. Это сделало и анализ более сложным. Именно в это время в мире возникло большинство центров изучения России. Стало, наконец, возможным применять более стандартные методы теоретического анализа к изучению процессов в регионе, кроме того, интересным оказалось сравнивать социалистические страны друг с другом: Югославию сравнивали с Румынией, Румынию – с СССР. Можно сказать, что риски холодной войны, анализ вооружений и их размещения во многом способствовали развитию социальных и гуманитарных наук. Вспомнить хотя бы Ричарда Пайпса и его школу. В ранних 1980-х в Европе было около 70 русских центров, а в США – больше 200. Это был пик русских исследований. Сегодня число русских центров в мире можно пересчитать по пальцам.

В Швеции не возникло столь ранней традиции российских исследований. Вплоть до 1960-х у нас были только курсы русского языка в университетах, впрочем, очень известные в Упсале, Стокгольме и Лунде. В этих университетах три самых больших центра изучения русского языка. Более всего ученых интересовали не социальные и политические темы, а искусство и литература. Они изучали, например, Пушкина и другие предметы, имеющие отношение к языку.

Я думаю, что Упсальский университет стал первым в Швеции, начавшим заниматься непосредственно российскими исследованиями. Инициатива этих исследований исходила от факультета

русского языка. Было также очень много ученых вне факультета, в отделении бизнеса и экономики, политических наук, на историческом факультете и других, которые имели большой интерес к России. Они утверждали, что требуется изучать не только литературу и искусство, но и всю социальную систему, как она есть. В результате была создана программа исследования СССР, предназначенная не столько для гуманитарных наук, сколько для социальных. Шел 1969 -1970 год.

В 1970-х в Швеции следовали европейской и североамериканской традиции создания русских центров, в которых изучали все, что находится на восток от нас, будь то Россия или Восточная и Центральная Европа, Восточная Германия, а также Албания (значительный в то время объект изучения).

С 1983 г. это научное направление стало называться «восточно-европейские исследования», прежде оно носило имя «исследования восточных государств». Новое название сохранилось до начала 1990-х, когда оно вновь поменялось на «евразийские исследования». Это была попытка университета расширить сферу научных интересов, включив в нее Китай и Северо-Восточную Азию.

Но тематика исследований СССР и России всегда оставалась мультидисциплинарной и привлекала политических аналитиков, историков и экономистов.

Наш центр в его нынешнем виде был основан 1 января 2010 г., что явилось прямым следствием войны в Грузии в 2008 г. Политики в Стокгольме неожиданно осознали, что не знают ничего о России. Как Россия могла себя повести подобным образом? Мы это просмотрели! Мы думали, что Россия становится демократической страной и партнером Запада, а тут такое! И вот тут шведское правительство обратилось к специальному денежному фонду, созданному «для изучения политически значимых стран». К этим странам относятся Средний Восток и Россия. Состоялся конкурс шведских университетов, заинтересованных в открытии русского центра. Мне кажется, что почти все университеты в Швеции претендовали на эти деньги. Упсальский университет выиграл, так как было решено, что именно в нем самая лучшая инфраструктура. В академическом смысле наш центр строго следует международным стандартам в том, что касается славистики и исследований России.

В центре изучаются три тематические области. Одна из областей – «формирование идентичности» (директор направления – профессор Елена Намли (Elena Namli)), к ней относится теология, национализм, культурная политика не только в России, но и во всем постсоветском пространстве. Другая область – «государство и рынок» (директор направления, профессор Стефан Хедлунд (Stefan Hedlund)), в нее входят экономика, политика, военные, энергетические вопросы, т.е. широкий круг проблематики социальных наук. Третья тематическая область, для которой мы не нашли пока хорошего названия, – «страны, граничащие с Россией» (директор направления – профессор Ли Бенник-Бьоркман (Li Bennich-Björkman)). В нее включены вопросы формирования новых государств, политические процессы и демократизация в странах, которые некогда принадлежали к СССР. Я думаю, что в России лучше всего известна наша тема «Идентичность».

Структура каждой тематической области такова: директор исследований, исследователи и аспиранты. У нас нет собственной аспирантуры, но есть договоренность с факультетами, например, политологии. Мы полностью финансируем аспирантов, предоставляем им рабочее место, и они становятся частью нашего коллектива, но также они административно принадлежат и своему факультету.

Студенты подают заявки в аспирантуру, самостоятельно выбирая темы. Мы не вторгаемся в процедуру отбора на факультетах. Однако, если мы заинтересованы в каком-нибудь будущем аспиранте, мы ведем переговоры с факультетом и объявляем о нашем желании финансировать его. Исследованиями России занимаются мотивированные и высококвалифицированные аспиранты.

В прошедшие годы интерес к российской тематике вырос. Однако не так сильно, как можно было бы ожидать. С конца 1990-х - начала 2000-х сохранялась тенденция уменьшения интереса к России. Все определяется структурой университетских программ. Студентам не очень легко работать в нашем центре, т.к. у нас нет обучения. Мы уже в течение пары лет обсуждаем вопрос об открытии в центре обучающих программ. В настоящее время у нас пять аспирантов и ни одного постдока. Обычно мы приглашаем одного или двух каждый год. Нашей целью является приглашение по крайней мере одного постдока.

Первой задачей центра было обеспечить базу для качественных исследований, и только после этого можно было бы расширить обязанности ученых и ввести преподавание, что явилось бы

естественным шагом. Преподавание нам был хотелось осуществлять вместе с факультетом русского языка. Исследователи, работающие у нас в центре, не обязаны учить, но у нас есть договор с университетским центром «Мир и конфликтология» о преподавании, и некоторые работают там. Я думаю, что лет через пять в нашем центре появится преподавание. У нас нет собственного журнала, но Упсальский университет имеет свое издательство, и в рамках этого издательства у нас есть собственная серия, называемая «Восточно-европейские исследования».

Наша основная цель в будущем – осуществлять качественные исследования на международном уровне, создавать науку самого высокого уровня. Мы хотим, чтобы наш центр занял лидирующую позицию в десятке подобных центров в мире. Думаю, мы уже отчасти достигли этого, так как наш рейтинг очень высок. Мы по-прежнему остаемся открыты для международных контактов, никогда не станем закрытым локальным центром университета Упсалы в вопросах подачи заявок на работу, приглашения исследователей, в разработке собственных проектов.

Наш центр междисциплинарный. Главное условие для ученых, работающих здесь, – быть хорошим специалистом в своей области. Если ты являешься политологом или историком экономики, или просто историком, то должен прибавлять знания в собственной области и повышать свой уровень компетенции. Мы не хотим распылить эти знания, растворить их в науке «обо всем». Прежние специалисты по России были экспертами во всем сразу, начиная с производства молока на Урале и заканчивая ядерным потенциалом Белоруссии. Дни таких исследователей сочтены. Ученые важны именно как специалисты в своей области. Каждый день мы поддерживаем эту репутацию.

Многие центры российских исследований сейчас закрываются. Те, которые разрабатывали «Кремлелогию» и не занимались изучением в рамках определенных научных дисциплин, литературы или экономики, например. В то же время центры, которые приспособились к новым требованиям науки, стали междисциплинарными, продолжают работать, как, например, старые престижные центры в Глазго или Бирмингеме, Гарварде, Торонто, Александери-институт при университете Хельсинки.

Часто нам пытаются навязать определенные мнения, и люди политизируют наши высказывания или наши действия. Для нашего центра остается необыкновенно важным то, что мы принадлежим к международной академии, мы анализируем и не высказываем определенных мнений, хотя и имеем их. А бюрократы в России иногда считают, что мы – кузница для шведских шпионов. Это не так! В Швеции же, наоборот, требуют, чтобы мы развенчивали политику современной России и выступали с антироссийскими заявлениями. Но это не наша роль, мы соблюдаем и будем соблюдать академический нейтралитет.

Елена Намли, профессор теологии и этики, директор исследовательского направления «Идентичность»

Когда я приехала в Швецию, шел 1992 г. Если здесь и занимались исследованиями России, то это относилось в первую очередь к литературе и языку, а я заканчивала философский факультет МГУ. Я думала, что смогу на философском факультете заниматься русским материалом, но интереса к нему не было никакого. Мне посоветовали обратиться на теологический факультет, где интерес к континентальной философии был более высоким. Тогда мне думалось, что русский материал может оказаться интересен, потому что он незнаком. Однако я написала диссертацию о Карсавине, и эта тема не вызвала особого энтузиазма. Потом я поняла, что мне нужно работать по своей специальности, а моя специальность «этика». Я получила позицию лектора в теологическом институте в Стокгольме, где и преподавала этику и занималась традиционными этическими вопросами – права человека, политическая, богословская этика. Я не изучала Россию, но по-прежнему работала с русским материалом, к которому у меня был доступ, а русская философия очень интересная. Диссертацию и книги я писала по-шведски и не переводила ни на английский, ни на русский. В начале своей карьеры, в 1990-е гг., я не поддерживала связей с Россией, да и структурно это было в то время осуществить очень трудно.

В Швеции интерес к России всегда проявляют с некоторой «оглядкой», так как здесь многие страдают крайней русофобией. Спокойно наукой о России бывает сложно заниматься. Специальных изданий, кроме славистических, в Швеции о России нет. Но время от времени организуются специальные выпуски журналов, посвященные русской философской и теологической традиции,

например, в журнале *Subaltern*. Есть книжное издательство *Artos*, и оно очень интересуется Россией, но их в первую очередь интересует религиозная философия, Православная церковь.

Я работала в Стокгольме, а звание доцента получила в Упсале. В Швеции есть традиция, по которой звание доцента тебе дает тот университет, в котором ты защищаешь диссертацию. Я защитилась осенью 2000 г. В Швеции защищаешься с уже напечатанной монографией. Книга «Онтологическая платформа этики» – это и есть моя диссертация. Потом, через полтора года после защиты, у меня вышла небольшая книга, которая называется «Анализ социальной этики православия в экуменическом диалоге». В 2009 г. я написала третью книгу, «Борьба с разумом – о русской критике западного рационализма» – и тогда опять актуализировались мои знания русской традиции. Это самая любимая моя книга, основанная на чудесном материале, – там Достоевский «Братья Карамазовы», там Лев Шестов и ранний Бахтин.

Конечно, женщинам, а в особенности иностранцам, приехавшим в чужую страну в зрелом возрасте, труднее подниматься по карьерной лестнице. Но у меня было все в этом смысле традиционно. Когда открывался центр российских исследований в Упсале, вышла моя книга «Борьба с разумом». Ко мне обратились и предложили стать профессором. Думаю, свою роль сыграло то, что я уже была доцентом теологического факультета и работала с русским материалом. Я не участвовала в планировании работы центра, меня пригласили на более позднем этапе. В это же время я подала заявку на профессию в Гетеборге. Там был достаточно большой конкурс, но я его выиграла. Так, через 10 лет после защиты диссертации я стала профессором. Я выбирала между двумя университетами и выбрала Упсалу.

Программа развития центра была основательно продумана с самого начала. В Упсальском университете есть хороший консерватизм, традиционные факультеты, кафедры и направления. Центр создать было сложно, поэтому мы сразу решили, что у нас будет только три направления исследования. Начали мы с того, что стали смотреть, кто есть вокруг нас, кто есть в Швеции, создали сеть научных контактов в Швеции и с учеными из России.

Как только Шведское государство предложило ученому совету создать центр изучения России, оно отказалось от контроля. Серьезные ученые сами формулируют проблемы и не работают с вопросами, которые им дал кто-то другой. Мы с самого начала сказали, что будем создавать научный центр российских исследований, а не «мозговой центр» – 'policy making institute' или 'think tank'. Никаких заявок ни от кого не принимаем. Мы работаем с теми вопросами, которые есть на научной повестке дня, и хорошо защищены стенами университета.

В настоящий момент наш центр ждет оценки нашей работы на самом высоком уровне, в Риксдаге. Мы надеемся, что то финансирование, которое центр имеет, в будущем останется, но у университета будет больше возможностей распоряжаться этими деньгами. Мы будем усиливать те научные группы, которые имеются сегодня, и я не думаю, что стратегически правильно открывать новые направления.

К нам достаточно просто приехать и прочитать лекцию, так как это не требует больших экономических затрат, и всегда к нам можно обратиться напрямую. Критерий только один – серьезная научная работа и результаты, завязанные на современную российскую ситуацию. Приглашенными исследователями в нашем центре стать сложнее, так как эта процедура более формализованная. Мы организуем в год примерно шесть приглашений ученым для работы в течение месяца. Нам приходят интересные заявки.

Я только что выпустила книгу «Права человека как закон, политика и этика», в которой изложена теория прав человека. В книге я критикую доминантное либеральное понимание прав человека и использую постколониальную критику в понимании реформированного европейского ислама. В книге есть и материал о России. У меня есть своя серия в издательстве Упсальского университета, которая называется «Uppsala Studies in Social Ethics». Я с готовностью подарю коллегам в России PDF моей новой монографии, если им она окажется нужна в целях преподавания. Я задумала еще две книги. Одну по социальной этике в православии, теории справедливости и православной традиции. А вторую – теоретическую. Я хочу написать о том, как этика соотносится с политической теорией. В настоящее время я также веду переговоры с некоторыми российскими издательствами о переводе моих книг на русский и публикации их в России.

Ирина Карлсон (Irina Karlsohn), постдокторант, исследователь

Проучившись год на историческом факультете МГУ, я поступила на гуманитарный факультет Университета Гетеборга. На этом факультете были разные кафедры, и я выбрала кафедру славянских языков. Мне хотелось расширить свой профиль, и я стала изучать общую лингвистику, курсы по культурологии. Программ как таковых нет, и ты набираешь курсы каждый семестр. Я поступила на кафедру общего литературоведения. Отучившись там, я поняла, что, так как у меня был большой багаж знаний, я могу стать специалистом по русской литературе на базе общего литературоведения. Диплом я написала по русской литературе.

Изучение русского языка не считается экзотической дисциплиной, но число студентов, изучающих его, по сравнению с занимающимися на кафедрах английского или немецкого языка, невелико. У славистики в Швеции масштабы скромнее, но на кафедре славянских языков наибольшее внимание уделяли именно русскому языку.

Мой диплом и моя диссертация были посвящены легенде о Граде Китеже. Мой научный руководитель – профессор Магнус Юнгрен. Аспирантов у него было немного. Кроме меня был один аспирант по русской лингвистике, а русской литературой в тот момент занималась только я одна. Несмотря на это, поступить в аспирантуру мне было трудно. Чем больше защищается аспирантов, тем больше мест выделяют на следующий год. Естественно, мест было очень мало, ведь до меня на кафедре славянских языков никто не защищался. Первые два года мою аспирантуру оплачивал Фонд Алисы и Кнута Валленбергов – я выиграла грант в конкурсе по профилю литература, культура, в том числе русский язык.

Нельзя сказать, что в аспирантуру, связанную с русскими исследованиями идет мало студентов из-за незнания русского языка. Если ты способен читать научную литературу по-русски, ты можешь поступать в аспирантуру, а писать диссертацию на английском. Я писала на русском, это было возможно, хотя случалось достаточно редко. Для этого было нужно специальное разрешение факультета. В Стокгольме тоже пишут диссертации на русском языке, но это как правило русскоязычные ученые.

Я работаю лектором в Университете Даларны (г. Фалун) и преподаю русский язык. Я поступила туда по конкурсу, когда была объявлена ставка. Курсы по русскому языку – наиболее популярные на кафедре русистики, на них записывается наибольшее количество студентов, а курсы по русской литературе и культуре их не так привлекают. Сейчас я читаю спецкурс по русской литературе и культуре «Русский модернизм и революция», и у меня всего два слушателя. На курсы по русскому языку для начинающих записываются 40–50 человек, на «продвинутых» уровнях остается 20–25 студентов. Мы разрабатываем материалы сами. Я подготовила пособие для спецкурса «Деловой русский». Спрос на специалистов по русскому языку в Швеции не очень велик, в основном выпускники стремятся приобрести еще одну специальность для того, чтобы найти работу.

В Гетеборге издаются две книжные серии: «*Slavica Goetherburgentia*» и «*Slavic Studies*»; последняя основана несколько лет назад. Обычно печатают книги или сборники статей в связи с какой-нибудь конференцией. Все скандинавские слависты поддерживают между собой тесные связи. Их основной журнал – «*Scanda Slavica*», издающийся британским издательством «*Routledge*». Основные языки этого журнала – английский и русский.

Я получила в этом центре постдокторскую позицию на изучение идеи государства в творчестве Солженицына, а потом подала заявку на более конкурентный грант Научного совета Швеции, дающий возможность рассматривать идеи государства в творчестве Достоевского, Белого и Солженицына. Моя цель – написать на эту тему серию статей и напечатать их в журнале «*Toronto Slavic Quarterly*». Со временем, когда я напечатаю определенное количество статей и наберусь педагогического опыта, буду подавать заявку на звание доцента.

Фабиан Линде (Fabian Linde), исследователь

Я защитил диссертацию в Стокгольме у профессора Пер-Арне Бодина (Per-Arne Bodin) и профессора Елены Намли. А потом я поступил в центр как постдоктор по рабочему контракту на три года.

Русская литература была моей любовью с детства, я читал классиков: Достоевского, Чехова, Толстого. Поступив в университет и начав заниматься общим литературоведением, я понял, что могу выучить русский язык и читать своих любимых авторов в оригинале. В Гетеборге я занимался один год, потом переехал в Стокгольм, потому что там кафедра больше и город ближе к России (а

это имеет значение!). В Гетеборге из-за удаленности от России русский язык воспринимался как экзотика, как китайский. Кафедра в Стокгольме отличалась тем, что там изучали не только литературу и русский язык, но и культуру. Увы, в Гетеборге кафедры больше не существует. Ее закрыли, лишь по-прежнему преподают русский язык, но изучают его слишком мало студентов. Все славянские языки уже перестали преподавать, да и преподавание русского временно. Все объясняется проблемами с финансированием.

В скором времени закроется и кафедра русского языка в Стокгольме. Его объединят с другими балтийскими языками, с немецким и голландским. В Стокгольме сохраняется сильная традиция изучения литературоведения. По образованию я славист и филолог, но я всегда занимался историей идей, моя диссертация называется «Революция духа, гностические темы и мотивы в философии Николая Бердяева». Я писал ее на английском, так как английский язык более международный, чем шведский.

Я поддерживаю связи с Россией. Я получил грант Шведского научного совета позволяющий преподавать в России, в РГГУ, в течение трех лет. До этого я работал там по гранту Шведского института. Я сотрудничал с Российско-Шведским центром, два года преподавал шведский язык. У меня есть связи с профессором РГГУ Г.И. Зверевой. Я надеюсь организовать там семинар на тему «Понятие цивилизации в русской политике». Это как раз тема моего постдокторского исследования, над которым я работаю в Упсале.

Этот центр мне очень подошел, т.к. я занимаюсь темой, близкой к политологии, а наш центр междисциплинарный. Для меня это лучшее место в Швеции. Я бы хотел продолжать работать именно здесь.

Я считаю, что интерес к России в Швеции экзотический. Многие студенты начинают изучать русский язык, но скоро понимают, что это требует слишком больших усилий и прекращают занятия. А в России, в РГГУ, например, многих студентов родители ориентируют на изучение Швеции, так как Швеция имеет очень хорошую репутацию в мире. И, действительно, многие находят работу в посольствах, например. Я преподавал не только шведский в России, но также на историческом факультете в Упсале – русский язык, русскую литературу и русскую культуру, и это я хотел бы продолжить это в будущем.

В данном разделе публикуются три статьи сотрудников Упсальского центра, входящих в неформальную группу по изучению интеллектуальной истории России в рамках направления «Идентичность». Это статья М. Сулова о понятии «немец» и его роли в политических дебатах и формировании идентичности, К. Й. Мьёра (K. J. Mjör) об исторической концепции Василия Ключевского, и С. Рабов-Эдлинг (S. Rabow-Edling) о политических взглядах Бориса Чичерина. Составитель раздела и автор рефератов англоязычных статей – М. Сулов.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.11.2014

HOW RUSSIA IS STUDIED IN SWEDEN: FOUR VIEWS OF RESEARCHERS

I. A. Kotkina

Center for Baltic and East European Studies, Södertörn University, Alfred Nobels allé 7 Flemingsberg, Huddinge
Ik341@ya.ru

These four interviews given by the researchers and directors of the UCRS are dedicated to the development of Slavic and Russian studies in Sweden, the organization of the Uppsala Center. Scholars discuss practices of learning of the Russian language in Sweden and academic and research activities in Russian studies in contemporary Swedish universities.

Key words: Slavic Studies, education in Sweden, Uppsala Center for Russian and Eurasian Studies, Swedish academia.